

Марина
СЕРОВА

Автограф убийцы

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова
Автограф убийцы

«ЭКСМО»

2015

Серова М. С.

Автограф убийцы / М. С. Серова — «Эксмо», 2015 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-80295-1

Частного детектива Татьяну Иванову нанимает Александр Могильников для расследования смерти его институтского друга Дениса Фирузова, которого некоторое время назад убило на стройке упавшим из окна бетонным блоком. Кроме Дениса и сторожа, в этот момент на объекте никого больше не было. Да и что там делал сам Денис, для всех остается загадкой. Татьяна пытается найти зацепки в этом странном деле, но ни одного свидетеля преступления нет...

ISBN 978-5-699-80295-1

© Серова М. С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Автограф убийцы

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

– Девушка, купите шарики. Вот этот красный, с зайчиком, прекрасно подойдет как для мальчика, так и для девочки! Что? Нет детей? Не беда, еще будут. Вот, возьмите тогда этот. Большое, горячее сердце. Подарите его своему бойфренду. Или вот, тоже чудесный шар. С изображением свадебных колец. Этот подойдет на тот случай, если ваш дружок слишком затянул с предложением. Ну, не проходите мимо, не пожалее!

Зазывала старался изо всех сил. Он перегородил дорогу тележкой, увешанной разноцветными шариками, наполненными гелием. Их веселые головки пританцовывали в такт ласковому ветерку. Тележка норовила оставить своего хозяина и отправиться в самостоятельное путешествие, поэтому продавцу приходилось ногой удерживать строптивый транспорт. Торопливые прохожие все поголовно отказывали зазывале. Кто вежливо, а кто и не очень.

– Вы бы к другому входу перебазировались, – посоветовал сердобольный прохожий. – Тут много не заработаете. А у детской площадки контингент самый ваш.

– Я бы с радостью, только там раздачей невесомого счастья другие люди занимаются, – ответил продавец.

– Что ж вы зевали, когда места распределялись, а? Спать долго любите? – вступил в диалог второй прохожий.

– Поспать, друг мой, все любят, – нравоучительно произнес продавец, – в этом ничего зазорного нет. Но в моем случае пристрастие к чарам Морфея решительной роли не играет. Просто кое-кто кое с кем договорился, и, вуаля, ваш покорный слуга разжалован из ведущего клоуна в уличного зазывалу.

– Так вы клоун? – удивился первый прохожий.

– О, да! Король буффонады и гротеска. Сорок лет в Тарасовском цирке. Так купите шарик, или мне дальше идти?

– Извини, друг, – виновато пожав плечами, отказался прохожий. – Мне и подарить его некому.

– Я возьму! – крикнула я, вставая со скамейки и направляясь к тележке.

На ходу роюсь в сумочке, я достала пятьсот рублей и попросила:

– Мне вот этот, с зайчиком. Потом этот зелененький, с цветочками. А еще желтый, в форме жирафа, – перечисляла я.

– Прекрасный выбор! – рассыпался в похвалах зазывала. – И цвет, и форма, и композиция.

– Вам тоже нравится? – обратилась я к прохожему.

– Пожалуй, – серьезно осмотрев получившийся букет, согласился прохожий.

– Значит, берем! – тряхнув головой, заявила я, протягивая продавцу купюру.

Король буффонады в недоумении переводил взгляд с купюры на меня и обратно. Я сделала то же самое. Не понимаю, что не так? Деньги не фальшивые, в этом я уверена. Может, у него сдачи с крупной купюры нет?

– Мелочь поискать? – предложила я.

– Что? Мелочь? Нет, столько мелочи у вас точно не будет, – поскущел зазывала.

– Тогда берите все. Сдачи не надо, – решила я сделать широкий жест.

– Сдачи? Боюсь вас разочаровать, моя зеленоглазая принцесса, но до сдачи вам не хватает, по меньшей мере, еще одного такого же листочка.

Продавец указал на пятисотку, зажатую в моей руке. Я снова опустила глаза, разглядывая деньги. Еще такую же? Это что, шутка такая? За три шарика – тысячу рублей? Я решила проверить свою догадку.

– Сколько же я должна за это великолепие? – потрясла я шарами.

– Восемьсот девяносто рублей, – назвал сумму покупки клоун.

– Сколько? Вот эти три резиновых мешка на ниточке стоят восемьсот девяносто рублей? – пораженный еще больше, чем я, переспросил прохожий.

К тому времени он уже продолжил путь по своим делам, но, услышав сумму покупки, не выдержал, вернулся, и теперь мы вдвоем смотрели на зазывалу, требуя ответа.

– Так ведь принцесса самый дорогой шар выбрала, – начал оправдываться клоун. – Тут один жираф на семьсот рублей тянет. Он же фигурный. Вот видите, и копытца есть, и рожки.

У жирафа действительно имелись все признаки рогатого и парнокопытного животного. Видимо, это обстоятельство возвышало его над собратьями по тележке. Ну, что, мой пятнистый друг, видно, придется тебе остаться с хозяином. Слишком уж ты хорош оказался.

– Я возьму эти два, – объявила я продавцу. – На них ведь этих денег хватит?

– Еще останется, – разочарованно ответил клоун, выживая из кармана сдачу.

Любопытный прохожий давно ушел, а клоун все рылся в карманах в поисках сдачи. Наконец терпение мое иссякло, и я спросила:

– Вы шары продавать собираетесь или будете продолжать изучать содержимое карманов?

– Может, без сдачи поищите? – виновато улыбаясь, попросил он. – Не успел наторговать. Да вам теперь всего сто девяносто рубликов набрать нужно.

– У вас что, совсем денег нет? – поразила я.

– Нету. С девяти утра стою, а ни одного шара не продал, – объяснил клоун.

Я взглянула на часы. Стрелки приближались к двум. Да, хороша работенка. Я снова полезла в кошелек. Как назло, у меня были только крупные купюры. Приняв решение, я достала еще одну пятисотенную банкноту, добавила ее к той, что уже имелась, и протянула клоуну со словами:

– Вот, возьмите. Сдачи не надо.

Забрав у ошалевшего зазывалы выбранные шары, я быстро пошла по аллее парка.

– Постойте, девушка, да погодите же! – кричал мне вдогонку клоун.

Я не останавливалась.

– Возьмите хотя бы еще шаров! – надрывался зазывала.

– Оставьте себе. Дарю! – обернувшись на ходу, крикнула я.

– Спасибо! Большое спасибо! Будет помощь нужна, обращайтесь. Я тут каждый день стою, – горланил на весь парк продавец «невесомого счастья». – Запомните, меня Бим зовут.

Я помахала Биму рукой и свернула в боковую аллею. Эта аллея вела к центральным воротам, у которых я припарковала свой автомобиль. Мне предстояла встреча с новым клиентом. Появляться перед ним с таким «букетом» было как-то неуместно. Тем более что из телефонного разговора я поняла, что речь пойдет об убийстве. Представляю лицо клиента, когда он увидит перед собой частного детектива, увешанного разноцветными шарами. Да еще этот жираф в придачу! Убрав шары в салон, я поспешила в назначенное место. Чтобы снова не попасться на глаза зазывале, я выбрала боковую аллею. Пройдя по ней, я оказалась перед прудиком. Шикарная пара белых лебедей кружила по водной глади, навевая романтическое настроение. Ближе к берегу суетились утки всех мастей. Прикупив добрую порцию воздушной кукурузы, я выбрала место на узеньком мосточке и принялась скармливать ее пронырливым уткам.

– Татьяна? – услышала я за спиной мужской голос.

Обернувшись, встретила взглядом с высоким, солидно одетым мужчиной. Утвердительно кивнув, я помахала рукой и направилась к нему. Пока шла, разглядывала своего потенциального клиента. Довольно молод. На вид не больше сорока. Симпатичен, дружелюбен. По виду не скажешь, что он убит горем. Впрочем, некоторые люди не любят выставлять свои эмоции напоказ. Поравнявшись с мужчиной, я спросила:

– Вы – Александр Могильников?

– Совершенно верно. А вы – Татьяна Иванова, детектив, – утвердительно произнес Александр и добавил: – Не думал, что вы такая.

– Какая такая? – переспросила я.

– Ну, молодая, красивая. Я бы даже сказал, шикарная, – пояснил Александр.

– Вас это смущает?

– Нисколько. Скорее наоборот, – ответил он. – Признаться, я несколько опасался встречаться с вами. Понимаете, раньше мне не приходилось прибегать к помощи частного детектива. Отправляясь сюда, я почему-то думал, что встречу кого-то вроде спецназовца в юбке. Короткая стрижка ежиком, мощные бицепсы, угрожающий взгляд на широкоскулом лице. А тут вы! Должен признать, это приятная неожиданность.

– Вот и прекрасно. Поскольку мы уже выяснили, что к представительницам феминистского движения я никакого отношения не имею, предлагаю перейти к делу. Предпочитаете беседовать на улице или пойдём в кафе? – оставляя выбор за клиентом, спросила я.

– Лучше здесь. Погода хорошая, прекрасный вид, и никакой навязчивой опеки со стороны официантов, – ответил Александр, беря меня под локоть и направляясь к ближайшей скамейке.

«Да мой новый клиент прямо поэт! Такие поэтические образы рисует, говорит, как по писаному», – подумала я про себя. Мы уселись на свободную скамью лицом к пруду, и Александр принялся излагать суть дела.

– У меня есть друг, – начал он и тут же осекся. – Вернее, был. Я похоронил его месяц назад. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что Дениса больше нет.

Он произнес это спокойно, без надрыва, но мне сразу стало понятно, что внешнее спокойствие – это напускное. Просто Александр старается держать себя в руках. Пауза, возникшая после этой фразы, была едва заметной. Далее он говорил без остановки.

– Прежде чем переходить к событиям тех дней, я должен рассказать предысторию возникновения нашей с Денисом дружбы. Думаю, это нужно для того, чтобы вы поняли, зачем я вообще все это затеваю. Так вот. Познакомились мы с Денисом в Московском университете. Он приехал туда из Пскова. Это на границе с Прибалтикой. Я же попал в столицу благодаря стараниям своей матушки. Была у нее мечта, чтобы единственный сыночек окончил столичный университет и таким образом получил широкие возможности для устройства в жизни. Я был робким, стеснительным провинциалом. Вырос в глухой деревушке на Среднем Урале. Покидать насиженное место боялся пуще смерти, но послушаться мать – еще сильнее. Так и попал в Москву.

Столица встретила меня неприветливо. Она и так-то к приезжим неласкова, а уж к таким, каким был тогда я, и подавно. Надеюсь на то, что провалю вступительные экзамены и смогу спокойно вернуться в свою вотчину, прожил в столице две недели. Когда пошел узнавать результат, всю дорогу кулаки держал. Как смогу посмотреть матери в глаза, когда вернусь с позором? Об этом я не думал. Я был семнадцатилетним юнцом, и мне до чертиков не нравилась Москва. Но сбылись мечты моей матери, а не мои. Я поступил. Получил место в общежитии.

С этого момента начались мои мытарства. Меня шпыняли все, кому не лень. И преподаватели, и студенты. И даже студентки. Никто не хотел водить дружбу с парнем, который все время мямлит, проглатывает целые слова и фразы. Да еще «окает», где надо и где не надо. Добавьте к вышесказанному цветущую прыщами физиономию, тщедушную фигуру и патологическую застенчивость, и вы получите почти точный портрет меня в те годы. Как думаете, согласились бы вы пойти со мной хоть куда-нибудь? О свидании я даже не заикаюсь!

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – честно ответила я, сиюсь представить на месте этого красавца прыщавого заикающегося уroda.

– О, нет! Поверьте, я еще преуменьшаю, – без тени улыбки ответил Александр.

– Ну, хорошо, поверю вам на слово. Что было дальше?

– Целый год я прожил в Москве, терпя всевозможные унижения. Вернувшись на летние каникулы домой, я как можно тверже заявил матери, что в университет не вернусь. Она промолчала, а в конце августа купила билет на поезд, собрала чемодан и отвезла меня на вокзал. Молча. Без каких-либо комментариев. Просто выставила за дверь, и все. Сейчас-то я понимаю, что она сделала это для моего же блага, но тогда... Тогда я почти возненавидел ее. Путь домой мне был заказан. Оставалось ехать в общагу и пытаться не свихнуться там.

И тут судьба приготовила мне сюрприз. Когда я прибыл в общагу, новые первокурсники уже готовы были въехать в стены своего временного дома. Парни, с которыми я делил комнату на протяжении прошлого года, договорились с комендантом общежития, и меня выселили в комнату первокурсников. Случилось так, что одним из студентов, заселившихся в нее, стал Денис Фирузов. Буквально в первый же день он оценил мое подчиненное положение, но вместо того, чтобы начать гнобить меня так же, как остальные, он решил взять надо мной шефство. Я дословно помню фразу, которую он сказал мне вечером первого дня его пребывания в общаге. «Через пару месяцев ты сам будешь выбирать, кому из этих мозгляков протягивать руку, а они будут в очередь становиться, добиваясь твоего расположения». Так он сказал.

Тогда я не придавал значения его словам. Подумал, что просто бахвалится. Но все так и вышло. И даже раньше, чем истекли два отмеренных месяца. Непостижимым образом он устроил так, что всех остальных студентов перевели в другие комнаты, а мы с ним остались единовластными жильцами. Он и я. И все мои прежние недруги из кожи вон лезли, лишь бы заручиться его дружбой, а заодно и моей. Не спрашивайте, как ему это удалось. Я все равно не смогу ответить. Позднее, курсе на четвертом, я пытался выяснить этот вопрос, но Денис только отшучивался. А тогда мне было безразлично, как это произошло. Я просто наслаждался покоем и нежданно свалившейся на меня собственной значимостью. Все годы, пока я учился, Денис был моим единственным другом. Заводить приятельские отношения с теми, кто ранее ни в грош меня не ставил, желания не возникало. Да и дружбы с Денисом было вполне достаточно. Так я и дожил до диплома.

По окончании университета наши дорожки разошлись. Первый год я еще пытался поддерживать с Денисом связь, но он отвечал редко и как-то неохотно. Я решил, что ему больше неинтересна моя компания, и прекратил попытки. Начал строить свою жизнь самостоятельно. Та школа, что я прошел в столичной общаге, закалила меня. Сделала другим человеком. По большому счету, всем, что у меня есть, я обязан именно Денису. Если бы не он, я вряд ли выжил бы в Москве.

– Все это замечательно, – вклинилась я в рассказ Александра, – но хотелось бы знать, что заставило вас приехать в Тарасов? Известие о смерти друга?

– Я как раз подошел к этому вопросу, – продолжил Александр. – Много лет я не имел связи с Денисом. Не знал, где он, чем занимается. Конечно, время от времени я вспоминал о нем, однажды даже хотел найти, возобновить, так сказать, прежнюю дружбу. Но как-то не решался. Боялся получить отказ. Понимаете, я многого в жизни добился. Сейчас я владелец крупной строительной компании города Екатеринбурга. Это, конечно, не европейский уровень, и даже не столичный, но тоже неплохо. Так вот, я опасался, что Денис расценит мои попытки сблизиться как желание похвастаться своими достижениями. Особенно в случае, если у самого Дениса дела идут не так хорошо, как ему хотелось бы.

Короче, я все откладывал и откладывал, пока Денис сам не вышел со мной на связь! Это произошло ровно восемь недель назад. Он нашел меня в социальных сетях. Написал сообщение типа «Привет, как жизнь, куда пропал?» и все такое. Он писал так, будто мы не виделись всего неделю, а не годы. Естественно, я ответил. Завязалась переписка. Я узнал, что Денис живет в Тарасове, что не женат. Особых привязанностей в городе нет. Тогда я позвал его к себе в Екатеринбург. Предложил переехать на постоянной основе. Обещал помочь с работой, решить вопрос с жильем. Денис согласился подумать. Сказал, что ему порядком надоела коче-

вая жизнь, хочет остепениться, обзавестись собственным гнездом, так сказать. А потом он прислал мне странное письмо. Не в соцсетях, а на электронку, к тому времени мы уже тесно общались. Я сначала подумал, что он просто шутит или употребляет выражения в переносном смысле. А когда его не стало, тогда я понял, что это сообщение не было ни шуточным, ни фигуральным. Денис знал, что его жизни грозит опасность. Он пытался предупредить меня, но я не принял его слова всерьез, и вот теперь он в могиле, а я здесь и пытаюсь восстановить справедливость.

– Вы сохранили текст письма? – спросила я.

– К сожалению, нет. Но я могу в общих чертах изложить его суть. Там и текста всего три строчки, – ответил Александр.

– Слушаю.

– Денис написал, что с переездом вопрос почти решен. Сдаст объект, соберет все долги, и ко мне. И приписка: если должники не надумают рассчитаться со мной по-своему.

– Он так и написал «рассчитаться по-своему»?

– Не слово в слово, но смысл похожий.

– Что произошло с вашим другом?

– Бетонный блок упал на голову. Мгновенная смерть, – сообщил Александр.

– Где это случилось? – задала я следующий вопрос.

– На одном из объектов, который курировал Денис. Он работал инженером в фирме, специализирующейся по строительству крупных торговых сооружений и деловых центров, – ответил Александр.

– И вы под подозрением у следствия?

– Нет, конечно. Об этом и речи быть не может. Во-первых, в день гибели Дениса я находился за много километров от Тарасова, в Екатеринбурге. А во-вторых, следователь вообще не рассматривает версию убийства. Чистой воды несчастный случай. Так он сказал, когда я пришел к нему с тем же заявлением, что и к вам.

– Как вы узнали о том, что Денис погиб? – спросила я.

– Из полиции позвонили, – сообщил Александр. – Оказалось, что у Дениса в телефоне из всех сохраненных контактов только мой номер подписан.

– А родственники? Родители, сестры, братья, – уточнила я.

– Про родню Дениса я ничего не знаю. В полиции сказали, что сведения о родственниках отсутствуют.

– Кто же занимался организацией похорон? – удивилась я.

– Я приехал, как только получил известие о смерти Дениса, – спокойно объяснил Александр.

– Так это вы его хоронили?

– А чему вы удивляетесь? Денис мой друг. Не мог же я оставить его в морге или позволить бросить в общую могилу, как какого-то пса бездомного!

– Подведем итог, поправьте меня, если я в чем-то ошибусь. Вы не общались с Денисом лет пятнадцать, потом Фирузов вышел на вас с помощью сети Интернет, и вы месяц или около того общались дистанционно, так?

– Пока все верно, – не понимая, к чему я клоню, подтвердил Александр.

– Далее, вы узнаете, что Денис погиб, срываетесь с места, едете в незнакомый город и за свой счет организовываете его похороны, так?

На этот раз Александр отвечать не стал, только кивнул.

– А после этого решаете нанять частного детектива, что, надо сказать, тоже недешево, чтобы выяснить, кто мог желать зла человеку, про которого вам, по сути, ничего не известно.

– Это вовсе не так, – возразил Александр. – Денис мне не посторонний, и я знаю про него достаточно, чтобы желать выяснить правду!

– Какую правду? – перебила я. – Из всех фактов, которые могли бы указывать на смерть вашего друга как на убийство, является то ли шутка, то ли опасение самого погибшего о том, что с ним могут рассчитаться не так, как надеется он сам. Вы считаете этого достаточно для того, чтобы начать расследование?

– Почему бы и нет? Вам-то что за дело, если окажется, что несчастье, произошедшее с Денисом, действительно случайность? Деньги свои вы в любом случае получите! – выкрикнул Александр.

– Послушайте, я вам не шабашник, чтобы за любое задание хвататься, лишь бы подзаработать. Я пытаюсь прояснить ситуацию. Пытаюсь понять, насколько серьезно ваше заявление по поводу насильственной смерти Дениса, и лишь после этого буду решать, браться ли за вашу проблему или нет, – рассердилась я. – А если вам это не нравится, можете обратиться к другому специалисту.

Я сделала вид, что собираюсь уходить. Александр удержал меня за руку и тут же принялся рассыпаться в извинениях.

– Простите, Татьяна, прошу вас, останьтесь. Честное слово, у меня и в мыслях не было обижать вас! Ну же, забудьте все, что я тут наговорил, – молил он.

– Если я забуду все, то вам придется начинать весь рассказ сначала, – пошутила я, чтобы разрядить обстановку.

– Вот и прекрасно! – одобрительно улыбнулся Александр.

Что именно в моих словах заслужило его одобрение, я спрашивать не стала, а вот последний свой вопрос повторила:

– Александр, мне нужно услышать ваш ответ: вы считаете, что одно-единственное высказывание вашего друга о том, что кредиторы могут с ним рассчитаться, является достаточным основанием, чтобы начать расследование?

На этот раз, прежде чем ответить, Александр долго молчал, взвешивая все «за» и «против». Наконец он произнес:

– Именно так я и думаю. Вернее, не думаю, а чувствую! Если есть хоть один шанс на миллион, что Денис погиб от руки убийцы, то я должен его найти. Мы обязаны его отыскать и передать в руки правосудия! – делая ударение на слово «мы», проговорил Александр.

– А если в ходе расследования выяснятся нелицеприятные подробности жизни вашего друга? – осторожно намекнула я.

– Мне все равно, – решительно ответил Александр. – Поймите, найти и наказать виновного в смерти Дениса – это вопрос чести. Я хочу отдать ему долг! И это не денежный долг, как вы понимаете. Кем бы ни был в последнее время Денис, за какие бы проступки его ни настигла эта ужасная смерть, я все равно остаюсь его должником. И помогаю я не тому Денису, который уже целый месяц лежит в могиле, а молодому парнишке из Пскова, что не дал мне сдохнуть в «гостеприимной» Москве.

– Я вас поняла, – произнесла я. – Предлагаю поступить следующим образом: вы посвящаете меня в детали официальной версии следствия, предоставляете домашний адрес Дениса, координаты места его работы и места, где произошел несчастный случай. Я собираю информацию, анализирую факты, и если ваша версия подтверждается, обязуюсь провести расследование до полного выяснения обстоятельств.

– Пока убийца не будет наказан? – тихо спросил Александр.

– Пока убийца не будет установлен и разоблачен, – поправила я его. – Ну что, по рукам?

– С чего начнем? – выразил свою готовность Александр.

– Вы остановились в гостинице? – спросила я.

– Вообще-то нет. Я договорился с квартирной хозяйкой, у которой Денис снимал жилье, и она предоставила мне возможность пользоваться квартирой все лето, – ответил Александр.

– Значит, вы имеете доступ к личным вещам покойного? – переспросила я. – Прекрасно. Поехали.

– Куда? – не понял Александр.

– Хочу посмотреть, как жил ваш друг. Там и разговор продолжим. Вы на машине?

– Я брал такси, – сообщил Александр.

– Тогда поедem на моей, – предложила я. – Не возражаете?

– Ни в коем случае, – заверил меня Александр.

До машины шли молча. Я прокручивала в голове сведения, полученные от Могильникова. О чем думал сам Могильников, сказать было трудно. Возможно, блуждал в воспоминаниях дней давно минувших. Так же молча заняли места. Я за рулем, Александр – на переднем сиденье рядом с водителем. На невесомое чудо, приобретенное мной у циркового клоуна и занимавшее теперь все заднее сиденье, мой клиент не обратил ровным счетом никакого внимания. Я облегченно вздохнула. Признаться, предлагая проехать на квартиру Фирузова, я совсем упустила из виду то, что в моей машине находится надувной жираф в компании с разноцветными воздушными шарами, а когда вспомнила об этом, менять планы было уже поздно. Выяснив адрес конечного пункта следования, я повернула ключ в замке зажигания, и мы отправились в путь. Оказалось, что мы с Фирузовым ходили практически в соседях. Дом, в котором он снимал квартиру, располагался метрах в трехстах от моего, только на противоположной стороне улицы.

Надо признать, безвкусицей Фирузов не страдал. Жилье он выбирал с умом. Современный жилой комплекс, огороженный забором с индивидуальным входом. Охрана при въезде. Консьержки, правда, не было, зато имелось объявление, что по всем возникающим вопросам можно обратиться к управдому, в квартиру под номером один.

Лифт в доме отсутствовал. Поднявшись на последний, четвертый этаж, Александр открыл входную дверь. Я оказалась в просторной гостиной, совмещенной с кухонной зоной. Дизайн в стиле «хай-тек» как нельзя лучше характеризовал бывшего квартиросъемщика. Оттенки от белого до стального и от светло-серого до насыщенного черного приятно гармонировали с несколькими относительно яркими пятнами сливового цвета. Я прошлась по комнате, разглядывая безделушки, расставленные на стеклянных полках. На одной из них стояла небольшая фотография красивого мужчины. Траурная черная лента обрамляла правый нижний край.

– Красивая квартира, правда? – услышала я за спиной.

Обернувшись, я встретила взглядом с Могильниковым.

– Вынуждена признать, интерьер впечатляет, – согласилась я. – Это Денис?

Я указала на фото в рамке.

– Да, это он. Единственное фото, которое удалось найти, – ответил Могильников.

– Я могу забрать его? – Видя, что Могильников колеблется, я добавила: – Оно может понадобиться в ходе расследования.

Клиент вынул фото из рамки, подержал в руках, точно прощаясь, потом протянул мне со словами:

– Не потеряйте. Хочу сохранить на память. Знаете, у меня ведь нет ни одного снимка, где мы с Денисом вместе. Так уж получилось.

– Обещаю обращаться со снимком очень аккуратно, – заверила я и перевела разговор на другую тему. – Вы не будете возражать, если я осмотрю здесь все?

– Конечно, конечно. А я пока чай организую. Или вы предпочитаете кофе? – направляясь в кухонную зону, спросил Александр.

– Спасибо, ничего не надо, – вежливо отказалась я.

– Тогда, быть может, сок? Или воды минеральной? – настаивал Александр.

– Чуть позже, – произнесла я, скрываясь в спальне.

Спальня была выдержана в том же стиле. Чуть больше сливового цвета, а так тот же белый, серый и черный. Я собиралась осмотреть прикроватную тумбочку, а затем гардеробную, но вовремя вспомнила, что новый хозяин мог так же воспользоваться мебелью. Пришлось вернуться в гостиную и уточнить этот вопрос. Сделала я это не напрасно. Оказалось, что Александр собрал все вещи Дениса и сложил их в гардеробной. Личных вещей оказалось совсем немного. Одежда разместилась на двух полках, а бумаги, документы и другая мелочовка – в коробке из-под обуви.

– Да, негусто, – протянула я, глядя на добро бывшего хозяина.

– Думаю, это оттого, что Денис не собирался пускать корни в Тарасове, – сделал предположение Александр.

– Вы так считаете? – задумчиво глядя на картонную коробку, произнесла я. – Не подскажите, сколько лет Денис прожил в Тарасове?

– Точно не знаю. Как-то не было об этом разговора, – смутился Александр.

– Я могу взять это с собой? – попросила я.

– Если с возвратом, – разрешил Могильников.

Я забрала коробку и переместилась с ней в гостиную. Присев в кресло, я обратилась к Александру:

– Каким образом складывались ваши взаимоотношения с Денисом, мне более или менее понятно. Теперь хотелось бы услышать, что конкретно с ним произошло. Максимально подробно.

Могильников расположился напротив меня и принялся описывать события месячной давности, ту версию, с которой в свое время его познакомил следователь.

Беда с Денисом приключилась в самом начале мая, а именно в тот промежуток времени, когда вся страна плавно переходит к празднованию Дня Победы после не менее значимого Праздника весны и труда. В этот внеплановый отпуск уходит большинство отечественных организаций. Частные фирмы, однако, этой традиции не придерживаются. Именно по этой причине сторож, дежуривший в тот день на стройке, которую курировал Фирузов, ничуть не удивился тому, что главный инженер пришел на объект ни свет ни заря. Не покидая будки, сторож поднял шлагбаум, пропуская машину Фирузова на территорию стройки. Кивнув в знак приветствия, Фирузов проехал напрямик к центральному входу строящегося здания. Оставил машину у крыльца, сам прошел в здание. Чем Фирузов занимался там, сторож не знает. В следующий раз он увидел главного инженера уже с пробитой головой.

А произошло это так. В обязанности сторожа входит обход территории один раз в час. Естественно, сторожа частенько пренебрегают этим требованием. Пройдутся по периметру пару раз в сутки, и достаточно. Но только не в том случае, если на объекте находится кто-то из начальства. А так как на стройку уже прибыл главный инженер, пришлось сторожу выполнять данную повинность. В семь часов утра он прошелся вдоль забора, начиная с будки охранника и ею же заканчивая. После этого, согласно инструкции, начал обходить здание. И вот когда он это делал, тогда и обнаружил тело Фирузова на крыльце северного крыла здания. Он лежал лицом к забору, спиной к зданию. Вокруг головы растекалось кровавое пятно. Даже не пытаясь выяснить состояние инженера, сторож помчался обратно в будку, вызывать «Скорую». Пока врачи не приехали, он к телу не подходил. Полицию вызвали уже медики.

Следственная бригада, приехавшая по вызову на место происшествия, допросила сторожа, осмотрела тело и сделала вывод, что Фирузов погиб вследствие нарушения техники безопасности на строящемся объекте. Мало того, что в оконном проеме оказались незакрепленными перегородочные блоки, которые использовались для формирования межкомнатных перекрытий, так еще и инженер разгуливал по объекту без каски, в результате чего получил удар по голове и мгновенно умер. Тело забрали, строительные работы приостановили на три дня, и на этом все закончилось.

Александр следователь позвонил в этот же день. Видимо, он все же пытался добросовестно отработать все возможные версии происшедшего. Могильникову были заданы все стандартные вопросы, требующие ответа в подобной ситуации. Александр дал подробные ответы, а потом начал задавать свои. Следователь сообщил, что Денис Фирузов погиб в результате несчастного случая. Оставив расспросы, Александр поехал в аэропорт, взял билет на ближайший рейс и в девять утра следующего дня уже стоял в кабинете следователя со своими выкладками по поводу умышленного убийства Фирузова. Следователь выслушал Могильникова внимательно, даже сочувственно. Однако предпринимать какие-то действия по поводу его заявления не спешил. Три дня Александр занимался подготовкой похорон, ожидая разрешения забрать тело. И все эти три дня он обивал порог кабинета следователя в надежде убедить его копнуть дело Фирузова поглубже. Сначала следователь отговаривался стандартными фразами, что все необходимые следственные мероприятия проводятся и при обнаружении злого умысла все виновные понесут наказание. Но потом сказал прямо, что никаких фактов, подтверждающих версию умышленного убийства, следственная бригада не обнаружила и расследовать мифическое убийство он не намерен.

Могильников похоронил друга и вернулся домой. Вещи Дениса он решил временно оставить в квартире, тем более что срок аренды истекал только в конце июня. Оставляя жилье друга нетронутым, Могильников подспудно надеялся, что всплывут новые факты, благодаря которым отношение следователя к словам Александра изменится. Или родственники Дениса найдутся, тогда хоть будет кому его вещи передать. Но ни того ни другого не произошло. Из родни так никто и не объявился, а следователь теперь и слушать Александра не хотел. Надо было решать вопрос с личными вещами Дениса, тем более что квартирная хозяйка уже намекала Александру, что пора бы ей уже подыскивать постоянных квартиросъемщиков.

Уладив дела на работе и взяв две недели отпуска, Могильников снова покинул Екатеринбург. Приехав в Тарасов, он не захотел селиться в гостинице, а занял квартиру друга. Не стал он тратить время и на уговоры следователя, решив провести расследование частным образом. Наведя справки, он раздобыл мой номер телефона и назначил встречу. И теперь мне предстояло решить главный вопрос: есть ли у Могильникова основание беспокоиться о том, что друг его погиб не по воле случая, а по замыслу недругов? Я снова принялась задавать вопросы.

– Фамилию следователя, который вел дело Фирузова, вы помните? – спросила я.

– Конечно. У меня и номер его телефона сохранился, – подхватился Могильников, – я даже в записную книжку его внес.

Порывшись на книжной полке, он протянул мне серебристый блокнот, открытый на первой странице.

– Вот запись. Шубин Алексей Евгеньевич. Старший следователь Октябрьского РОВД. И номер телефона.

– Шубин, говорите? – переспросила я.

– Совершенно верно. Вы с ним знакомы? – спросил Могильников.

– Было дело, сталкивались пару раз по работе, – призналась я. – Значит, Шубин сказал, что никаких оснований для возбуждения уголовного дела не имеется, так?

– Правильно. Но мне кажется, что это неправда. Есть у Шубина информация, которую он просто не пожелал обнародовать.

– Почему вы сделали такой вывод? – спросила я.

– Да с его же слов, – ответил Александр. – Понимаете, когда мы в первый раз с ним беседовали, он упоминал некие косвенные улики, способные повлиять на ход следствия. Более подробно он не говорил, да я и не настаивал. Я же тогда искренне думал, что этот Шубин раскрутит дело, как положено, вот и не вникал особо. А потом, когда он заявил, что дело закрыто и смерть Дениса квалифицирована как несчастный случай, я пытался напомнить об

этих самых уликах, но Шубин отмахнулся. Версия, говорит, не подтвердилась. Вам бы с ним самой поговорить, вдруг удастся разузнать подробности.

– Постараюсь, – пообещала я и снова принялась за расспросы: – Скажите, у Дениса в квартире был компьютер?

– Ноутбук. Небольшой, дешевый. Я его вместе со всеми вещами положил, – объяснил Могильников.

– Я должна его увидеть, – заявила я.

– Можете забрать на время. Я все равно им не пользуюсь, – разрешил Могильников.

– Еще один вопрос. У Дениса была подружка?

– Он об этом не говорил, – ответил Могильников. – Он вообще мало о себе рассказывал.

– И о том, как проводит свободное время, тоже не упоминал? – не надеясь на положительный ответ, спросила я.

Александр утвердительно кивнул.

– Интересная картина получается, – произнесла я. – Вроде бы вы с ним и общались несколько месяцев, а что ни спроси, ответа вы дать не можете. В чем же заключалась ваша переписка?

– Денис больше интересовался моей жизнью, – подумав, ответил Александр. – Ну, и годы учебы вспоминали, конечно. Только в этом нет ничего удивительного. Денис ведь и раньше достаточно скрытным был. Так уж у нас повелось, что обсуждали мы все больше мои проблемы и вопросы.

– Ну, хорошо. На первый раз достаточно, – подытожила я. – Сколько времени вы планируете пробыть в Тарасове?

– Если дела не потребуют моего непосредственного присутствия в Екатеринбурге, то останусь на все время отпуска, – сообщил Могильников.

– Последний вопрос. Как называется фирма, в которой работал Денис?

– «АстронТарасовСтрой». У меня имеется телефон директора компании. Продиктовать? – услужливо предложил Могильников. – Мы встречались с ним на похоронах. Признаться, Анатолий Борисович сильно помог в их организации.

Я записала номер телефона директора, а заодно и адрес головного офиса. Прихватив коробку с личными вещами Дениса и его ноутбук, я простилась с Могильниковым. Оказавшись в салоне своей машины, я сложила трофеи на переднее сиденье и задумалась. Ехать к директору сейчас, не откладывая визит в долгий ящик, или же перенести все беседы на завтра, а сейчас отправиться домой и попытаться определить с помощью гадальных костей, что готовит мне грядущее дело? Перевес оказался на стороне первого варианта. Информации было слишком мало для того, чтобы пытаться делать какие-то выводы. До конца рабочего дня оставалось не так много времени, чтобы успеть заскочить домой, бросить кости и с их помощью определить направление расследования. Надо хорошенько постараться, чтобы успеть застать директора на рабочем месте. Вынув телефон, я набрала номер и стала ждать ответа.

Трубку взяла секретарша. Ага, значит, это не личный телефон Анатолия Борисовича.

– Компания «АстронТарасовСтрой», – услышала я мелодичный голос. – Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Меня зовут Татьяна Иванова. Я частный детектив. Мне необходимо переговорить с Анатолием Борисовичем, – представилась я.

– Он ждет вашего звонка? – услышала я дежурный вопрос.

– Боюсь, что нет.

– Тогда я рекомендовала бы вам записаться на прием к Анатолию Борисовичу. После завтра, в среду, в одиннадцать тридцать вас устроит? – предложила секретарша.

– Дату и время встречи я смогу обсудить лично с Анатолием Борисовичем, – отрезала я. – Ваша задача передать ему следующее: поступил звонок от детектива Ивановой Татьяны.

Речь идет о смерти Дениса Фирузова, главного инженера компании. Все остальное я сумею объяснить вашему директору без посредников.

Поддаваясь моему уверенному тону, секретарша попросила подождать, пока она свяжется с начальником, и переключила звонок на режим ожидания. Из трубки полились звуки фортепианного концерта. Что-то из Глинки. Спокойная мелодия приятно радовала слух. Дослушать концерт до конца мне не пришлось. Музыка исчезла, и на ее место пришел мужской бас. Тоже, впрочем, весьма приятный.

– Слушаю вас, – услышала я.

– Анатолий Борисович? – уточнила я.

– Да, это я, – отрывисто произнес бас. – Секретарь сообщила мне, что вы звоните по поводу Дениса. Это так?

– Совершенно верно. Мое имя Татьяна. Иванова. Я частный детектив. Вы могли бы встретиться со мной? – спросила я.

– А какое отношение имеет детектив к несчастному случаю, произошедшему с Денисом? – недоумеваю, спросил директор. – Или теперь частный сыск занимается вопросами соблюдения правил охраны труда на производстве? Это был несчастный случай. Эксперты дали однозначное заключение. Чего же вы еще хотите?

– Вы собираетесь обсуждать этот вопрос по телефону? Не лучше ли выслушать ответ, глядя собеседнику в глаза?

– Простите, Татьяна, но у меня слишком мало времени, – попытался отделаться от меня директор. – Если у вас есть какие-то вопросы, я мог бы уделить вам несколько минут, но только по телефону.

– И все же я вынуждена настаивать на личной встрече, – напирала я. – Ваши ответы на вопросы могут оказаться весьма полезными свидетельскими показаниями. Неужели вам безразлична судьба человека, который несколько месяцев работал с вами бок о бок, выполнял ваши поручения, был, по сути, вашей правой рукой?

– Чьи интересы вы представляете в этом деле? – задал прямой вопрос Анатолий Борисович.

– Я уже сказала, что веду дело Дениса Фирузова. Этого достаточно. Если вы пытаетесь выяснить, кто нанял меня, то, боюсь, буду вынуждена вас разочаровать. Мой клиент пожелал остаться за кадром, – уклончиво ответила я.

– Нашлись родственники Дениса? – спросил директор.

Мне показалось, что в его голосе послышался испуг. Решив сыграть на этом, я строго произнесла:

– Анатолий Борисович, вы согласны на встречу, или мне передать своему клиенту, что бывший начальник Дениса чего-то испугался и отказался от беседы с детективом?

– Страх тут ни при чем, – сердито ответил Анатолий Борисович. – Если я и встречу с вами, то исключительно в память о Денисе. А клиенту своему можете передавать все, что вам заблагорассудится. И запугивать меня не надо!

«Вероятно, потому, что ты и так до смерти напуган!» – усмехнулась я про себя. Вслух же сказала:

– Помилуйте, Анатолий Борисович! Запугивать вас? И в мыслях подобного не было. Все, что мне нужно, – это одна-единственная встреча. Один разговор с глазу на глаз. Вот и все.

– Хорошо. Завтра в девять в центральном офисе компании. Адрес найдете? – пошел на уступки директор.

– Я могла бы подъехать в офис сегодня. Через полчаса вас устроит? – нагло перебила я. Анатолий Борисович хмыкнул в трубку, потом спросил:

– Вы всегда так нахраписто дела ведете?

– Только если собеседник несговорчивый, – стараясь подавить улыбку, ответила я.

– Считайте, что вам повезло. Уважаю людей, которые знают, чего хотят, – признался директор. – В офисе буду еще примерно час. Успеете добраться?

– Через двадцать минут я в вашем кабинете, – объявила я и дала отбой.

Вырулив на центральную улицу, я ударила по газам и помчалась в деловой центр Тарасова, где располагалась контора «АстронТарасовСтрой».

Глава 2

В холле головного офиса компании «АстронТарасовСтрой» стоял электронный турникет, преграждающий путь празднующей публике. Я обратилась к вахтеру с просьбой доложить о моем прибытии директору. Вахтер, мужчина солидной комплекции, пошептал что-то в трубку переносной рации, после чего нажал нужную кнопку, и меня допустили на особо оберегаемую территорию.

Анатолий Борисович лично встречал меня в дверях своего офиса. Жестом радушного хозяина он указал в глубь просторной приемной, увлекая меня за собой. Дойдя до дальней двери, мы оказались в кабинете, еще более просторном, чем приемная. Мебель из мореного дуба придавала кабинету ощущение старины. Расчет дизайнера был направлен на то, чтобы у посетителей возникало чувство, что внезапно вернулись времена Петра Первого. Лично у меня создалось именно такое впечатление.

Хозяин кабинета исподтишка следил за моей реакцией. И, похоже, остался ею доволен, так как широко улыбнулся и произнес:

– Вижу, мой кабинет пришелся вам по вкусу. Что ж, весьма рад. В наши дни нечасто встретишь человека, способного оценить ручную работу мастеров-краснодеревщиков.

– Неожиданное решение, – польстила я хозяину.

– А ведь еще несколько месяцев назад эта комната выглядела иначе. Окажись вы здесь тогда, вашему взору предстал бы стандартный набор офисной мебели со всеми ее атрибутами. Между прочим, это Денис подал мне идею подобного дизайна. Теперь же даже самый взыскательный и несговорчивый партнер, попадая в этот кабинет, вынужден отдать должное вкусу хозяина. Жаль, что с Денисом произошло такое несчастье, – искренне произнес Анатолий Борисович. – Парень подавал большие надежды.

– Мне тоже жаль, – согласилась я с директором.

– Присаживайтесь, – предложил он, указывая на небольшой диван, рассчитанный на двух человек.

Я присела, ожидая, что Анатолий Борисович займет место рядом, но он выдвинул один из стульев, расположенных по периметру длинного стола, развернул его лицом ко мне и, заняв удобную позицию, спросил:

– Так о чем вы хотели поговорить?

– Меня интересует все, касающееся ситуации, произошедшей на стройке в день гибели Фирузова, – глядя прямо в глаза директора, произнесла я.

– Разве следователь не сообщил вам подробности? – спросил Анатолий Борисович.

– С ним я еще не встречалась, – призналась я. – Мне хотелось в первую очередь побеседовать с вами. Ведь вы являетесь лицом заинтересованным, следовательно, и сведения у вас должны быть более подробными.

– Вряд ли смогу удовлетворить ваше любопытство. О происшествии мне известно не больше вашего, – начал Анатолий Борисович, – но подчиняясь вашей настойчивости, постараюсь сообщить все, что удалось выяснить лично мне. Если по ходу беседы у вас будут возникать вопросы, не стесняйтесь, задавайте.

В отличие от телефонного разговора, при личной встрече Анатолий Борисович выказывал искреннее желание сотрудничать. Я не знала, радоваться такой перемене или пугаться.

– Непременно воспользуюсь вашим предложением, – заверила я его.

– Вот и прекрасно. Итак, вас интересует, как могло произойти, что на голову Дениса упал газобетонный блок, – интонация Анатолия Борисовича была утвердительной, поэтому я просто кивнула, подтверждая его предположение. – Что я могу сказать на это? К сожалению, иногда такое случается. Стройка – место повышенной травматической опасности. Люди, работающие

там, знают, как важно соблюдать правила безопасности. Знают они и то, как легко переоценить свои возможности. Стоит ненадолго ослабить бдительность, и беда не заставит себя ждать. Именно это и случилось с Фирузовым. Он пренебрег основным правилом, не надел защитную каску – и жестоко поплатился за свою халатность.

– Это все понятно, – перебила я директора, – но меня интересует другое. Например, то, какова была причина столь раннего визита главного инженера на строительную площадку. Ведь, насколько мне известно, в тот момент ни рабочих, ни прорабов на объекте не было. Этот визит был предварительно запланирован?

– Фирузов был волен посещать строящийся объект тогда, когда сочтет нужным, – объяснил директор. – Для этого ему не требовалось особого разрешения. Раз он решил прийти на стройку в шесть утра, значит, так было надо.

– Это не ответ, это отговорка, Анатолий Борисович, – неодобрительно качая головой, произнесла я. – Если так пойдет и дальше, боюсь, беседа наша затянется до утра.

– А чего вы от меня ждали? – возмутился директор. – Признания в том, что это по моей указке Денис оказался на крыльце делового центра именно в тот момент, когда свалился этот злополучный блок?

– От вас я жду прямых ответов на прямые вопросы, – спокойно ответила я.

– Тогда задавайте эти ваши «прямые» вопросы, – потребовал директор.

– Фирузов говорил вам, что собирается посетить объект в шесть утра? – перефразировала я.

– Нет, накануне днем в телефонном разговоре он об этом не упоминал, – по-солдатски четко ответил директор.

– Как часто Денис появлялся на стройке? Был ли у него четкий график посещений?

– Никакого графика. Приезжал и уезжал по мере необходимости. Иногда по три дня подряд в офисе сидел, а иногда по несколько раз в день мотался, – пояснил директор.

– Накануне того дня он сообщал вам о каких-то проблемах или неприятностях, касающихся курируемой стройки?

– Ни слова. Этот заказ вообще не проблемный был, – ответил Анатолий Борисович.

– В каком смысле не проблемный? – переспросила я.

– Заказчик покладистый. Что бы мы ему ни предложили, он тут же соглашался. Понимаете, когда разрабатывается проект здания, все нюансы предусмотреть не удастся. И в ходе строительства приходится постоянно вносить коррективы. Естественно, на смете это тоже отражается. Обычно заказчика это обстоятельство жутко выводит из себя, но в данном случае заказчик всегда охотно шел на уступки. Подобная ситуация – большая редкость. Лично меня это радовало еще и потому, что в ходе строительства мы вынуждены были произвести кадровые перестановки, – пояснил Анатолий Борисович.

– Какого рода перестановки?

– Строительство центра началось почти полгода назад. Тогда на должности главного инженера находился Сергей Развальный. Опытный, ответственный работник. С приличным стажем. Но несколько месяцев назад он внезапно отказался от должности. Расторг договор, потеряв при этом немалую сумму денег. Я пытался его отговорить, выяснить причину внезапного отказа, но мне это не удалось. А самое обидное, что ведь уходил он в пустоту! Я бы еще понял, если бы ему место более выгодное предложили. И даже в этом случае он мог бы довести строительство до конца, а потом спокойно идти работать на другой объект. Его репутации это уж точно не повредило бы. Но, насколько я знаю, никаких супервыгодных предложений Развальный не получал. На мои расспросы отвечал односложно. Заладил «по личным обстоятельствам», и все. Пришлось в срочном порядке искать ему замену, – сообщил директор.

– Его место занял Фирузов?

– Совершенно верно. Денис был ассистентом Развального. Выполнял надзорные функции с самого начала строительства, поэтому-то я и не стал искать человека со стороны. Так было проще всего выйти из щекотливой ситуации.

– Фирузов справлялся с новыми обязанностями?

– Вполне. Я уже говорил, что Денис подавал большие надежды, – повторил директор.

– Значит, никаких проблем на стройке не было?

– Ничего из ряда вон выходящего.

– И что могло привести Дениса в такую рань на объект, вам неизвестно?

– К сожалению, это так.

– Тогда что касается бетонных блоков. Как могло произойти, что незакрепленные блоки оказались в оконном проеме? – спросила я.

– Прораб, отвечающий за разгрузку и складирование строительных материалов, сообщил, что за день до гибели Дениса на втором этаже здания начались работы по монтажу внутренних перегородок. Как раз для этой работы и были предназначены блоки. Обычно их поднимают на этаж заранее. Так было и в этот раз. Необходимое количество блоков подняли на этаж и сложили вдоль наружной стены. Видимо, часть блоков оказалась выше уровня оконного проема.

– Думаете, прораб недоглядел? – переспросила я.

– Получается, что так. Никто не предполагал, что кто-то станет пользоваться боковым выходом. На меня, как на директора, был наложен штраф за нарушение техники безопасности. Я, в свою очередь, наказал прораба. Конечно, Дениса этим не вернешь, но тут уж ничего не поделаешь. На стройке иногда такое случается. Кто-то поторопился и неаккуратно сложил блоки, а Денис поленился надеть каску. Если бы Фирузов выполнил инструкцию, то самое большее, что ему грозило, – это сотрясение мозга. Больше мне добавить нечего, – подвел черту директор.

– Спасибо, что уделили мне время, – поблагодарила я, вставая.

– Рад был помочь, – ответил Анатолий Борисович.

– Могу я посетить стройку? – спросила я.

– Пытайтесь найти козла отпущения? – скорбно произнес директор. – Ну, поищите, палки в колеса я вам вставлять не собираюсь. Только напрасно вы это затеяли. Так родственникам Фирузова и передайте. Его этим не вернешь, а вот испортить кому-то жизнь – это запросто. Как ни жестоко это звучит, Денис сам виноват в том, что произошло. Он в нашем деле не новичок, должен был понимать, что стройка – не место для прогулок.

Я не стала спорить и убеждать директора в том, что речь идет вовсе не о том, чтобы обвинить кого-то в халатности. Пусть пребывает в блаженном неведении относительно истинной причины моего вмешательства. По крайней мере, до тех пор, пока я не получу хоть одно вразумительное доказательство того, что смерть Дениса не несчастный случай. Главное, я получила добро на посещение строящегося объекта и теперь могу, не таясь, осмотреть место происшествия. Конечно, с момента гибели Дениса прошло слишком много времени, но, как знать, быть может, мне удастся отыскать там подтверждение теории Могильникова.

Из головного офиса «АстронТарасовСтрой» я отправилась напрямик на стройку. К тому времени, как я туда добралась, на площадке оставался только сторож. Меня это обстоятельство несколько удивило. Вроде и контора частная, и сезон позволяет продлить время работы, а строительная бригада уже разбежалась. «Кот из дома, мыши в пляс», – подумала я, направляясь к вагончику охраны. При моем приближении дверь вагончика открылась, и моему взору предстал щуплый плюгавенький мужичок.

– Здравствуйте, вы сторож? – вежливо спросила я.

– Я-то, допустим, сторож, а вот вы кто, еще предстоит выяснить, – подозрительно глядя на меня, произнес мужичок.

– Я – Татьяна. Анатолий Борисович дал добро на осмотр площадки и здания, – сообщила я сторожу.

– Это с чего же вы взяли, что можете вот так, запросто, ввалиться на охраняемый объект, и, заявив, что вам-де разрешил директор, отправиться гулять где вздумается? Вы, часом, не журналистка? – прищурился мужчина.

– А почему вы решили, что я могу быть журналисткой? – улыбаясь, спросила я.

– А то кто ж? Только ваша братия так и поступает. Вы ж думаете, что двери и заборы придуманы специально для того, чтобы скрывать от вас самое интересное. Чуть дверь закрытую увидите, и давай в нее ломиться. А уж если забор на вашем пути встретится, пиши пропало. Не удастся в калитку войти, вы перелезете, а нет, так снесете его к едрене фене, – ворчал сторож, правда, беззлобно.

– Придется вас разочаровать, – продолжая улыбаться, произнесла я. – К когорте журналистов я не имею никакого отношения. И Анатолий Борисович действительно дал добро на мой визит.

После этих слов я достала телефон, отыскала в контактах номер директора и нажала кнопку вызова. Дождавшись соединения, я попросила Анатолия Борисовича подтвердить разрешение на посещение стройки. Передав трубку сторожу, я ждала, пока он окончит разговор. Беседа получилась односторонняя. Анатолий Борисович произносил короткие отрывистые фразы, а сторож только кивал, соглашаясь со всем, о чем говорил начальник. Беседа закончилась через тридцать секунд после того, как началась. Сторож протянул мне аппарат.

– Детектив, значит? Вот уж действительно... – неопределенно промычал он. – Пойдемте. Раз такое дело, покажу вам и крыльцо, на котором инженера нашел, и комнату, в которой блоки сложены были. Вы ведь за этим сюда приехали?

– Получается, что так, – произнесла я. – Можете не ходить со мной. Просто объясните, куда следовать. А уж на месте я сама разберусь.

– Ну, нет! Если Борисыч приказал все вам показать, то так я и должен поступить. Он у нас жуть как не любит, чтобы самовольничали, – признался сторож.

– Скажите, вас как зовут? – поинтересовалась я, поняв, что сторож станет моим сопровождающим.

– Меня-то? А на что вам мое имя сдалось? – опасливо спросил мужчина.

– Неловко общаться с человеком, когда он твое имя знает, а ты его – нет, – заявила я. – Или для того, чтобы узнать его, мне снова придется к Анатолию Борисовичу за помощью обращаться?

– Смеетесь? Ну, смейтесь, смейтесь. Юмор – дело хорошее. Юмор я уважаю, – одобрительно глядя на меня, произнес сторож. – А имя у меня самое что ни на есть русское.

– Иван, что ли? – опередила я сторожа.

– Ага, Иван Иванович я. Фамилия, правда, не Иванов, а то бы полный комплект был, – представился сторож.

– Приятно познакомиться, Иван Иванович, – пожимая руку сторожу, проговорила я и, не утерпев, спросила: – А вот просто ради любопытства, какая у вас фамилия?

– А вы угадайте! Устрою вам что-то вроде викторины. Угадаете, задавайте любые вопросы, на все отвечу честно, без лукавства, – азартно блестя глазами, предложил сторож.

– Не обманете? – подыграла я ему.

– Да ни в жизнь! Ну, приступайте, – подзадоривал меня сторож.

– Сколько попыток даете? – спросила я.

– Ну, давайте, как в сказках, три попытки. Столько хватит?

– Вполне, – ответила я. – Можно начинать?

– Давайте, – разрешил сторож.

– А наводящие вопросы можно задавать? – снова спросила я.

– Валяйте.

– Фамилия тоже русская? – начала я.

– Русская, русская. Я и сам русский, – гордо произнес мужичок.

– Начинается на гласный звук?

– Э, нет, вы давайте фамилии называйте, а то, если по буквам отгадывать, так и до утра не управитесь, – замахал руками сторож.

– Как скажете, – согласилась я.

Сделав вид, что усиленно думаю, я постояла несколько секунд, а потом заявила:

– Фамилия ваша Макаров!

Сторож вытаращил на меня глаза.

– Эт, как же? А, вы заранее знали! У директора поинтересовались, а я, дурак, уши развесил, – теряясь в догадках, бормотал сторож.

– Ни то ни другое. У вас на двери график дежурств висит, – призналась я, кивая на открытую дверь.

Сторож обернулся. Дверь в вагончик оставалась открытой. На двери белел листок. В горизонтальных строчках значились три фамилии. Геваргян, Акимов и Макаров.

– Хитрая же вы девушка, – похвалил мою смекалку сторож. – Прочитали список, исключили Геваргыана, а после этого вариантов и вовсе не осталось.

– И тем не менее я выиграла, и теперь жду ваших ответов, – заявила я.

– Уговор дороже денег, – произнес сторож. – Пойдемте, покажу вам, где инженера нашел. Заодно и на вопросы отвечу.

Прикрыв дверь вагончика, Макаров пошел напрямик к северному входу. От основной строительной площадки крыльцо отделяли колышки, вбитые прямо в землю по четырем углам. Сигнальная лента красно-белого цвета выглядела свежей. Надпись на ленте предупреждала, что проход в этом месте запрещен.

– Неужели полиция все еще охраняет? – поинтересовалась я.

– Да нет. Господам полицейским до нас никакого дела нет. Это уж прораб расстарался. После того случая, что с инженером произошел, его тут костерили в хвост и в гриву. И от начальства влетело, и мужики длинными язычками за глаза виноватили. Так он, чтобы хоть как-то себя обелить, решил оба боковых крыльца закрытыми держать. А чтобы никто об этом не забывал, колышки эти и установил. И ленту периодически обновляет.

Я поднырнула под сигнальную ленту, прошла до крыльца и внимательно его осмотрела. Никаких следов трагедии не сохранилось. Ни пятен, ни обломков бетонного блока, ничего, что подсказало бы мне, в каком направлении вести расследование.

– Такое ощущение, что на крыльце кто-то тщательно прибрался, – пробубнила я себе под нос.

– Так и есть, – услышал мои слова Макаров. – Пашкевич мужикам пузырь поставил, они и расстарались. Даже пятна средством для мытья пола отдраили. А остатки блока на свалку оттащили.

– Пашкевич – это кто? – спросила я.

– Прораб, кто ж еще. Он у нас мужиками заведует, – пояснил сторож. – Как только следователь дал добро прекратить охранять место происшествия, так он мужиков и напряг.

– Давно это было?

– Да уж недели три прошло. Он, следователь-то, не особо пыжился. Припечатал диагноз и забыл про инженера нашего, – неодобрительно произнес Макаров.

– А вы, значит, считаете, что рано следователь успокоился? – спросила я.

– Этого я не говорил, – замотал головой Макаров. – Я вам не опер, запутанные истории – не по моей части. Только странно все это.

– Что именно вам кажется странным? – попыталась я разговорить Макарова.

– Да как же, что странного? – искренне удивился Макаров. – Взять хотя бы сам визит инженера нашего. Он ведь за все время работы стройки ни разу раньше двенадцати дня здесь не появлялся. А если приезжал, то всегда с эскортом. Либо зам его сопровождает, либо заказчик, или еще кого прихватит. Это вам не Серега, чтобы с первыми петухами на работу являться.

– Серега – это прежний инженер? – я вопросительно смотрела на Макарова.

– Он самый. Вот тот работал так работал, – восхищенно произнес Макаров. – Его и просить не надо было. Каждый день в шесть утра он уже на объекте. Даже в выходные частенько заезжал. А все потому, что любил свое дело.

– Чего ж тогда стройку в самый разгар бросил? – не удержалась я от вопроса.

– Обстоятельства сложились, – уклончиво ответил Макаров.

– А Фирузов, значит, работу не любил? – сделала я вывод.

– Кто его знает, – пожал плечами сторож. – Вроде и Денис парень старательный был, а только чувствовали все, что до Сереги ему далеко. Может, от этого у него с мужиками отношения-то не ладилась.

Макаров испуганно посмотрел на меня, поняв, что проговорился. Я же не преминула воспользоваться сложившейся ситуацией. Не сводя глаз с лица сторожа, я спросила:

– Значит, отношения между Фирузовым и мужиками из строительной бригады были натянутыми, так?

– Да не слушайте вы меня, – принялся отнекиваться Макаров. – Я вовсе не это имел в виду. Какие у простых работяг с главным инженером могут быть отношения? Ну, сами посудите: где он, а где мужики.

– Это-то мне как раз очень хорошо понятно. Мужики по своим домам с женами сидят, пивко попивают. А Фирузов в могиле. Не думаю, что кто-то из строительной бригады может ему сейчас позавидовать. Так что же не так было в отношениях Фирузова и строителей? – повторила я вопрос.

– Не пытайте вы меня, я мелкая сошка. Вот о том, как Денис в тот день приезжал, или о том, как нашел его, я вам без утайки расскажу. А про остальное не спрашивайте. Не стану я людей под подозрение подводить. Тем более что никаких фактов, что кто-то из них причастен к смерти инженера, у меня нет!

– Хорошо, расскажите о визите Фирузова, – согласилась я.

Макаров посмотрел на меня с подозрением. Уж больно легко я согласилась. Эта мысль без труда читалась на его лице. Пожелав оставить щекотливую тему, сторож сделал вид, что не заподозрил подвоха, и принялся рассказывать про злополучный визит Фирузова.

Говорил он складно, не особо много, только по существу. Собственно, ничего нового он к рассказу Могильникова не добавил. Приехал, кивнул, оставил машину у центрального входа. А через час был найден на крыльце.

– Скажите, в этот день или накануне посторонние на объекте появлялись? Может быть, кто-то подозрительный у площадки крутился? – принялась я за расспросы.

– Не было никого, точно говорю. Меня уж и следователь пытал, и прораб, и Анатолий Борисович. Если бы что-то было, я бы обязательно вспомнил. Под таким-то давлением! – усмехнулся Макаров.

– Пожалуй, – согласилась я. – Ну, а с настроением у главного инженера в тот день как дела обстояли? Может, озабочен был, испуган или взволнован?

– Да мы ж с ним даже не разговаривали. Как тут разглядишь. Вроде спокоен был. По крайней мере, ничего особенно в глаза не бросилось. Проехал и проехал. На крыльцо взбежал и в здании скрылся.

– И предположений никаких о том, что ему здесь могло понадобиться, у вас нет?

– Никаких. Думаю, хотел проверить, на какой стадии строительство находится. Он в праздничные дни почти неделю тут не появлялся. А ему ведь перед Борисычем отчитываться

приходится. Я тогда еще подумал, что директор наш нагоняй ему устроил, вот он и начал шевелиться.

Я подняла голову вверх, разглядывая оконный проем, из которого упал злополучный блок. Сейчас окно было закрыто фанерным щитком.

– В здание как попасть можно? – спросила я.

– К центральному входу вернуться придется. Здесь, сами видите, проход закрыт, – указывая в обратном направлении, сообщил сторож.

Войдя в помещение, Макаров ткнул пальцем в сторону лестницы:

– Вот по этим ступеням на второй этаж подниметесь. Там налево повернете и окажетесь в том крыле, где блоки сложены. Их Пашкевич велел к глухой стене передвинуть, а в остальном там ничего не изменилось. Основные работы по отделке сейчас ведутся в южном крыле.

– Это как-то связано со смертью Фирузова? – спросила я.

– Вовсе нет. Наоборот, в северное крыло рабочих перебрасывали временно, чтобы не простаивали. Там какие-то проблемы по планировке южного крыла образовались, вот мужиков наших и гоняли туда-сюда, пока вопрос решался.

– А кто вопросы эти решал? Фирузов?

– Понятия не имею. Я ведь только слухами богат. Об этом можете у Пашкевича спросить, а лучше сразу у Борисыча. Он наверняка в курсе.

– Спасибо за помощь, Иван Иванович, дальше я сама, – решительно произнесла я, давая понять, что больше в его обществе не нуждаюсь.

Макаров настырничать не стал. Вместо этого он отправился обратно в вагончик. Я подождала, пока он скроется из виду, и приступила к осмотру первого этажа. В недостроенное здание можно было попасть с нескольких сторон. Кроме центрального и двух боковых проходов, имелись еще два входа. Скорее всего, по плану они предназначались для служебного пользования. Не сейчас, конечно, а по окончании строительства. Оба эти входа располагались в задней части здания. Я прошла до одного из них и осторожно выглянула наружу. Расстояние до забора, ограждающего стройку, здесь было не больше полутора метров. Я прошла вдоль забора. Мне показалось, что в одном месте профильные листы, из которых состоял забор, выглядят новее, чем их соседи. «Надо поинтересоваться у Макарова, меняли ли здесь листы, и если да, то по какой причине», – отметила я про себя, возвращаясь в здание.

На первом этаже больше ничего интересного не было, и я поднялась по лестнице на второй этаж. Там уже начали ставить внутренние перегородки. От этого помещение стало похоже на сотовые ячейки. Видимо, эта часть здания впоследствии должна была превратиться в нескончаемую череду кабинетов. Я методично обошла все комнаты. Добралась до окна, закрытого щитом. Осмотрела аккуратный стеллаж, сооруженный из газобетонных блоков. Блоки как блоки. Ничем не примечательные.

Ну, и что дальше? Да ничего! Наивно было предполагать, что по прошествии месяца я смогу обнаружить здесь нечто экстраординарное. Крыльцо тщательно вымыто заботливым прорабом. Блоки уложены в соответствии с инструкцией. Даже окно забито! Подойдя к оконному проему, я осмотрела откосы. Ничего! Облокотившись на стену возле окна, я окинула взглядом помещение. С такого ракурса мне была видна только противоположная стена да небольшой кусок коридора. Взгляд мой беспечно перебежал с одной стены на другую. Пора возвращаться. Нет смысла оставаться здесь дальше. Я оттолкнулась от стены, намереваясь покинуть здание. Под рукой оказалось что-то липкое. Я резко отдернула ее. «Краска, что ли, не просохла? – подумала я. – Странно, мне казалось, Макаров говорил, что работы в этом крыле приостановлены».

Но это оказалась не краска. В стык металлических конструкций, обрамляющих оконный проем, был вдавлен некий пластичный материал серого цвета. «Замаска не просохла? – продолжая осматривать стену, предположила я. Однако при более внимательном осмотре я убе-

дидась, что вещество это имеется только в одном месте. Я не поленилась и обошла несколько оконных проемов, пытаюсь обнаружить серую массу в других комнатах. Поиски успехом не увенчались. Тогда я вернулась обратно, отделила небольшой кусок серой массы и пошла к выходу. Находку свою я до поры до времени спрятала в карман. Макаров поджидал меня на дорожке, ведущей к будке охранника.

– Нашли что-нибудь? – полюбопытствовал он.

– Увы, ничего стоящего, – напустив на себя беспечный вид, ответила я.

– Не расстраивайтесь, может, оно и к лучшему. Может, и искать-то тут нечего. Просто не повезло мужику, что тут еще скажешь, – попытался подбодрить меня Макаров. – Ведь блоки-то эти сами по себе мало весят. Такой на ногу упадет, и не почувствуешь. А тут, видно, высота роль сыграла. Вот и не верь после этого в судьбу! Один с девятого этажа вниз головой ухнет, и ничего. Отряхнет и дальше пойдет. А другой на ровном месте оступится – и насмерть расшибется.

– Возможно, вы и правы, – я не стала спорить, а задала волнующий меня вопрос: – Скажите, Иван Иванович, ту часть забора, что с тыльной стороны здания, давно отремонтировали?

– С чего это вы взяли, что ее вообще кто-то ремонтировал? – вскинулся сторож.

– Ну, как же, там профильные листы друг от друга отличаются, как апельсин от картошки, – заявила я.

– И что с того? – гнул свое сторож. – Какие привезли, такие и смонтировали. Это ведь всего лишь забор. Его потом все равно разбирать, чего ж привередничать?

– Значит, не было ремонта? – наседала я. – А вот мне кажется, что, по крайней мере, два листа появились там позже своих собратьев. И вы, как сторож, должны об этом знать.

– Знал бы, сказал, – проворчал Макаров и заторопился с прощанием. – Поздно уже, мне на обход идти надо. Да и вам пора. Все, что было нужно, вы уже осмотрели.

– И все же, если надумаете про забор рассказать или еще что-то вспомните, не полнитесь, позвоните мне. Номер телефона я вам оставлю, – предложила я.

– Некогда мне вашими номерами заниматься, – проворчал Макаров.

– Это много времени не займет. Дойдем до машины, там у меня визитки есть. Я вам одну оставлю. На всякий случай.

Я бесцеремонно ухватила сторожа за руку и потащила к машине. Покопавшись в бардачке, я протянула Макарову карточку, на которой были выбиты мои номера. Он нехотя взял ее и сунул в карман брюк.

– Не подскажите, где я могу Пашкевича найти? – осведомилась я.

– Он-то вам зачем понадобился? – недовольно спросил сторож.

После упоминания о ремонте забора сторожа как будто подменили. Добродушное настроение улетучилось, а вместе с ним и желание отвечать на вопросы назойливой девчонки. Но приказ директора он нарушить не решался, поэтому не выставлял меня за калитку, а ждал, когда я сама уберусь с территории охраняемого им объекта. Я же без интересующей меня информации уходить не собиралась.

– Вопросы к нему имеются, – невозмутимо сообщила я.

– Ладно, пишите адрес. Все равно узнаете. Не от меня, так от Борисыча, – успокаивая сам себя, произнес Макаров.

Он продиктовал адрес прораба. Я, как старательная ученица, записала его на листочек, выуженный из того же бардачка. На этом мы и распрощались. Я решила не откладывать визит к Пашкевичу, хотя и считала, что не особо вежливо вваливаться к незнакомому человеку домой на ночь глядя, да еще и без предварительного звонка.

Улица, на которой располагался дом Пашкевича, была мне знакома. Район не самый престижный, но и не окраина. Добралась я туда относительно быстро и теперь стояла перед дверью прораба, старательно вдавливая кнопку звонка. Пашкевич жил на первом этаже, и сей-

час, судя по музыке, льющейся из-за закрытой двери, хозяин находился дома. Солист группы «Наутилус Помпилиус» рассказывал всем желающим историю одинокой птицы. Его надрывное пение заглушало трели дверного звонка, но я настойчиво продолжала звонить. Моя настойчивость принесла плоды. Музыка стихла, и торопливые шаги оповестили о приближении хозяйина. Дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина лет сорока. Одет он был не по-домашнему. Тщательно отутюженные легкие льняные брюки. Светлая сорочка с коротким рукавом. Дорогой кожаный ремень. Русые волосы, зачесанные назад, сохраняли влагу после недавнего мытья. Хозяин явно не собирался проводить вечер в одиночестве. Вопросительно глядя на меня, он поинтересовался:

– Вам кого, девушка?

– Здравствуйте. Я ищу Юрия Дмитриевича Пашкевича, – поздоровавшись, сообщила я.

– Считайте, что вы его уже нашли. Пашкевич – это я, – представился мужчина.

– А я – Татьяна Иванова. У меня к вам разговор. Разрешите войти?

Пашкевич на секунду замялся, но потом посторонился, пропуская меня в квартиру. Я вошла, и хозяин прикрыл за мной дверь.

– Проходите в гостиную, – предложил он и первым прошел в большую комнату, оформленную в светлых тонах.

Я последовала его примеру. В гостиной был идеальный порядок. Никаких разбросанных вещей, грязной посуды или остатков пищи. Огромный диван, практически единственный предмет мебели, аккуратно застелен белым шерстяным покрывалом. На квадратном журнальном столике, как и полагается, аккуратно стопкой сложены книги и журналы. На противоположной от дивана стене висит плоский телевизор последней модели. Он был включен. Ребята из группы «Наутилус» продолжали беззвучно петь. Я прошла к дивану и, заняв удобную позицию, спросила:

– Недавно вернулись или, наоборот, только собираетесь уходить?

При этом я кивком указала на свежую экипировку хозяина.

– У меня встреча. Собрались с друзьями в бар сходить, – просветил меня хозяин и добавил для ясности: – Погода шикарная. В такой день не хочется сидеть в одиночестве.

– Вы не женаты? – поинтересовалась я.

– А вы, случайно, не сваха? – засмеялся Пашкевич. – Если это так, то, боюсь, вы попали не по адресу. Вот уже пятнадцать с хвостиком лет я счастливо женат, имею двоих детей. Мальчика и девочку. Одним словом, все в лучших советских традициях.

– Сватать вас я не собираюсь, – улыбаясь, ответила я. – Просто вы упомянули об одиночестве, вот вопрос сам и вырвался.

– Жена повезла детей в деревню. Погостить у бабушки, пока в школе каникулы. Ну, а я решил воспользоваться случаем и отдохнуть в мужской компании. Только жене об этом ни слова, – подмигнув, пошутил он.

– Постараюсь удержаться, – поддержала я его шутку.

– Так что привело такую привлекательную девушку в мое временно холостяцкое жилище? – И, спохватившись, уточнил: – Вы ведь не Элина подруга?

– Элла – это ваша жена? – в свою очередь, уточнила я.

– Совершенно верно. А вы кто? Насколько я помню, мы с вами раньше не встречались. Следовательно, моей подругой вы быть не можете. Остаются два варианта: либо вы приятельница Эллы, либо к нашей семье вообще никакого отношения не имеете. И тогда назревает вопрос: зачем вы здесь? – вслух рассуждал Пашкевич.

– Ваш адрес мне дал охранник строящегося объекта с улицы Бульварной. Вы там прорабом работаете, – сказала я.

Улыбка с лица Пашкевича сразу слетела. Он настороженно оглядел меня с ног до головы, пытаюсь понять, кем я могу оказаться. Я не стала томить его дольше, чем это было нужно, и представилась второй раз.

– Меня зовут Татьяна. Я частный детектив, и мне нужна ваша помощь, Юрий Дмитриевич. Много времени я у вас не отниму. Успеете и со мной побеседовать, и к друзьям попасть, – пообещала я.

– Это касается смерти Фирузова? – напрямик спросил Пашкевич.

– Именно так. Я бы хотела задать вам несколько вопросов по этому делу. Надеюсь, вы не станете возражать?

– А вы примете отказ? – спросил Пашкевич и сам же ответил: – Раз уж вы не поленились разыскать меня дома, значит, не успокойтесь, пока не зададите эти свои вопросы. Так зачем же тянуть? Уж лучше за один раз отмучиться, чем каждый день придумывать причины для отказа от встречи с вами.

– Разумное решение, – одобрила я. – Тогда, пожалуй, и я тянуть не буду. Перейдем сразу к главному. Скажите, вы тесно общались с Фирузовым до его смерти?

– Только по работе, – кратко ответил Пашкевич.

– Значит, дружеских взаимоотношений у вас не сложилось?

– Фирузов появился в нашей компании не более полугода назад, а я с «АстронТарасов-Строй» сотрудничаю уже больше десяти лет. Мне есть с кем дружить, если вы понимаете, о чем я. В сорок лет, как правило, нет нужды обзаводиться новыми друзьями, – ответил Пашкевич.

– Абсолютно с вами согласна. Однако иногда такое случается. По роду своей деятельности люди начинают общаться. Сначала только по рабочим моментам, потом на корпоративных праздниках, а затем и в свободное время.

– Это не наш вариант. С Фирузовым мы контактировали только на объекте и только по работе, – повторил Пашкевич. – Позвольте полюбопытствовать, какова причина вашего интереса к этому происшествию? Насколько я знаю, дело уже закрыто. Следователь, который его вел, вполне конкретно выразился на этот счет. Несчастный случай на производстве. Начальство уже наказало меня в соответствии с тяжестью моей вины. Так что же теперь нужно вам?

– Близкий друг Фирузова не согласен с вердиктом, вынесенным следователем. К тому же открылись новые обстоятельства. В связи с этим появилась необходимость провести дополнительное расследование, – объяснила я.

– И что это за новые обстоятельства, вы сообщить, конечно же, не вправе, – резюмировал Пашкевич.

– Совершенно верно. Так вы согласны ответить на мои вопросы? – снова спросила я.

– Почему бы и нет? Мне скрывать нечего. Спрашивайте, – обреченно произнес Пашкевич.

– Собственно, к вам вопросов у меня немного, – призналась я. – Знаете ли вы, для чего Фирузов приехал на объект, когда там еще никого не было? Что привело его на стройку? Это главный вопрос, ответ на который мне до сих пор не удалось получить.

– Тут я вам не помощник. Мы с мужиками сами долго ломали над этим голову. Фирузов не относился к категории людей, которых принято называть трудоголиками. А тут вдруг такое рвение! В шесть утра, да еще и в праздничные дни инженеру на объекте делать было нечего.

– Он не сообщал вам о своем намерении? Не просил приехать на стройку пораньше?

– Последний раз я виделся с Фирузовым за несколько дней до его смерти. Он приезжал на объект проверить, укладываемся ли мы в график. Бригада работы выполняла исправно, поэтому и отчет был короткий. Новых встреч он мне не назначал и особых распоряжений тоже не давал. Это могут подтвердить все мужики из моей бригады. Хотите, спросите у них, – предложил Пашкевич.

– Что-то в поведении Фирузова показалось странным вам или кому-то из бригады?

- Да нет. Все было как обычно.
- А у вас к Фирузову были вопросы?
- Вы имеете в виду по объекту? Да тоже ничего особенного.
- А насчет того, в каком крыле сначала производить работы, – уточнила я.
- Что, уже слышаны о том, как нас из южного крыла в северное гоняли? – усмехнулся

Пашкевич.

Я утвердительно кивнула, а он продолжил:

– Вопрос там ерундовый был. И косяк, между прочим, инженера нашего. Это он прошляпил. Вовремя с заказчиком не обговорил детали. Заказчика в таких случаях заранее на объект приглашают, чтобы он воочию, на реальных размерах убедился в правильности чертежных расчетов и дал добро на возведение внутренних перегородок. Учесть нюансы, так сказать. С прежним инженером таких проколов не случалось, вот мы и начали перегородки возводить. К тому моменту, как заказчик приехал, добрую половину работы сделать успели. Он приехал, посмотрел и решил, что слишком тесно получается. Фирузов заверил его, что исправить это не проблема. Нас перебросили в северное крыло, а инженер занялся согласованием изменений, вносимых в проект. Бригада, конечно, недовольна этим была.

– Если подобное – обычная практика, чем были недовольны строители? – спросила я.

– Фирузов заявил, что выполненные работы в оплату не зачтет. Прежний инженер так бы не поступил. Для заказчика это копейки, а мужики зарплату за полмесяца потеряли. А их и вины-то в промашке не было.

– Отчего же Фирузов не сделал так, как обычно решал этот вопрос прежний инженер? Быть может, это от незнания? Опыта в подобных делах не хватило? – предположила я.

Пашкевич бросил на меня снисходительный взгляд. Мол, что с тебя, глупой бабы, возьмешь? Я взгляд проигнорировала и снова спросила:

– В последнюю вашу встречу с Фирузовым вы именно это обсуждали?

– Знаете, Татьяна, – начал он, – я ведь в этой бригаде и за прораба, и за бригадира, и за парламентаря. У меня текучки кадров нет. Мужики со мной кто десять, кто двенадцать, а кто и все двадцать лет работают. Если какие вопросы спорные возникают, вот вроде этого, кого решать их отправляют? Пашкевича! Так что беседа наша не была исключительным случаем, скорее закономерным.

– Тогда у вас должно быть свое мнение насчет того, почему Фирузов принял решение не платить рабочим, – настаивала я.

– Естественно, оно у меня есть. Только озвучь я его, вы же меня первая в убийцы главного инженера и запишете. Скажете, что давняя вражда у нас и убил я его на почве постоянных разногласий. А я уже по горло сыт подобными обвинениями, – с горечью в голосе произнес Пашкевич.

– Вы все же попытайтесь, – попросила я. – Тем более что свою порцию недовольства вы уже получили. Одним больше, одним меньше, разница невелика.

– Ладно, так и быть, выскажусь, – согласился Пашкевич, – но только потому, что противно все это. У нас, в России, всегда так: пока жив человек, так любую грязь на него вылить готовы, а как умер, так к лику святых приставить норовят! А за что, спрашивается, этого Фирузова превозносить? Мое мнение такое, что, как был он при жизни дерьмом, так и после смерти им остался. Можно сказать, человечеству крупно повезло, что недолго он пожил, а то бы таких бед наворотить успел, мама, не горюй!

Признаться, меня ошеломил подобный поворот. Стараясь не подать вида, я поинтересовалась:

– Вы имеете в виду какие-то конкретные поступки или говорите о характере Фирузова?

– До его характера мне дела нет. Если бы он на работе не отражался, мне вообще наплевать было бы, будь он хоть каким уродом. Но он с людьми совсем не считался. Такому кол-

легу подставить – милое дело! Знаете поговорку «мягко стелет, да жестко спят»? Вот это про Фирузова, – уверенно произнес Пашкевич. – И лизоблюд еще тот! При начальстве он паинька. Голоса не повысит, вежливый, культурный, а как один на один с человеком останется, так хоть уши затыкай.

– На чем основано ваше утверждение, что Фирузов коллег подставлял? – остановила я поток возмущения.

– Об этом вы у Сереги Развального спросите, – бросил Пашкевич. – Думаете, он просто так объект бросил? Да Серега за каждый объект как за родное дитя переживал! А тут вдруг в один день собрался, только его и видели. Даже попрощаться не зашел.

– Вы утверждаете, что Фирузов причастен к увольнению Развального? – спросила я.

– А сами-то вы как думаете? Бывает в наши дни такое, чтобы человек без веской причины отказался и от должности, и от денег, и от привычного уклада жизни?

– Можете предъявить что-то конкретное? – допытывалась я.

– Не собираюсь я ничего предъявлять! Вам надо, вы доказательства и ищите. Мое дело сторона. Хотели услышать мое мнение, я высказался, а уж как распорядиться этим мнением, решать не мне, – не желая откровенничать, произнес Пашкевич.

Я поняла, что на эту тему прораб больше говорить не станет, и перешла к другим вопросам.

– Указание, куда складывать газобетонные блоки, вы давали?

– Не угадали. Сам Фирузов командовал. Ему, видите ли, хотелось, чтобы площадь помещения была свободна для работ! Влез куда не следовало, вот и получил свое. Я ему сразу говорил, что надо в три ряда выкладывать. Он только отмахнулся от меня. А теперь разве докажешь, что это его распоряжение было? Да и какая, в сущности, разница? Я с себя вины не снимаю. Надо было настоять на своем или по-тихому блоки переложить, как мы обычно делали. А я в бутылку полез. Обиделся, что Фирузов при ребятах мои указания оспаривать начал. Пусть, думаю, лежат. Вот развалится его пирамида, материал попортится, тогда я ему и напомню, кто в этом виноват. Кто ж мог предположить, что так все обернется, – тихо закончил Пашкевич.

– А забор когда ремонтировали? – перешла я к следующему вопросу.

– Вы и об этом знаете? – удивился прораб. – Тут-то Фирузов вообще не при делах. Это наркоши местные балуются. Там, за забором, у них что-то вроде блатхаты. Сарайчик хлипенький. Так наркоманы и алкаши со всего района в нем собираются. И участковые их гоняют, и сторожа наши, а они все равно туда возвращаются. Я Анатолию Борисовичу, директору нашему, докладывал. Просил разрешения получить на снос ветхой постройки. Да у него все руки не доходят, а без разрешения сараюшку снести не решаются. Вроде как владелец у нее имеется.

– А забор-то тут при чем? – напомнила я.

– А при том, что обитатели этого сарая время от времени со стройки кое-что приворовывают. Ущерб небольшой, а вот забор уже несколько раз чинить приходилось. Починим, починим, а они опять в том же месте листы снимут, и на стройку. Пошарят, приглядят, что утащить можно, и затихнут на несколько недель.

– Сторожа-то куда смотрят? – спросила я.

– А что сторожа? Они свое дело делают. Про дыру в заборе своевременно сообщают. Но, если начальство ничего не предпринимает, значит, все их устраивает. Это сторожам лишняя головная боль, всякий сброд со стройки гонять. Вот если бы алкаши эти что-то существенное стащить умудрились, тогда, глядишь, и решился бы вопрос с сараем, – пояснил Пашкевич.

– В тот день, когда Фирузов погиб, забор был цел?

– Разобран. Как раз перед праздниками я лично проверял его состояние, и все листы были на месте. А после того, как тело Фирузова нашли, следовательно обходил территорию и обнаружил в заборе дырку. Видно, за праздники наркоши успели его «подправить».

– И последний вопрос, – заметив, что прораб стал все чаще на часы поглядывать, сказала я. – Не подскажите, для каких целей применяется подобный материал в строительстве?

Я вынула из кармана кусок пластической массы, который прихватила со стройки, и протянула его Пашкевичу. Он взял кусок в руку, помял, повертел и, вернув обратно, спросил:

– Это какой-то тест, да?

– Какой тест? – не поняла я.

– Вам лучше знать, – произнес Пашкевич. – Знания мои в области строительных смесей проверить или отпечатки пальцев получить. Я в этом не разбираюсь. Никогда в жизни криминальными историями не увлекался. Даже Агату Кристи не жалую.

– Никакой это не тест, – заверила я. – Просто хочу узнать название этого вещества и для чего оно применяется. Специальный герметик?

– Да какой герметик, Татьяна? Вы что, смеетесь надо мной? Это же обычный пластилин! – возмутился Пашкевич.

Я уставилась на серый комочек в моих руках. Пластилин? На стройке? Интересно! Быть может, я и не напрасно по ней лазила.

– Значит, вы такой материал при отделке внутренних помещений не используете? – как можно спокойнее спросила я.

– Ясное дело, не используем. С этим вопросом вам лучше в детский сад идти. Они вас просветят, как с ним обращаться и для чего применять, – приняв мой вопрос за шутку, засмеялся Пашкевич.

– Так я и поступлю, – заверила я. – Ну, что ж, не смею вас больше задерживать. Вы и так, наверное, на встречу уже опоздали. В качестве компенсации могу предложить подвезти до бара. Я на машине.

– Спасибо за предложение, но нет. Сам доберусь, – отказался Пашкевич, вставая.

Он проводил меня в прихожую, подождал, пока я дойду до подъездного тамбура, и только после этого закрыл дверь. Щелчок замка эхом отозвался в пустом подъезде.

Глава 3

Я сидела у открытого окна в своей однушке и размышляла. Во дворе раздавался гомон ребятни, опьяненной долгожданной свободой от школьной повинности. Начало лета – самая лучшая пора для школьников. Можно ни о чем не думать, никуда не спешить, а целыми днями гонять по окрестностям, сверкая босыми пятками. Это обстоятельство делало детские голоса настолько пронзительными, что счастливые крики долетали даже до седьмого этажа. У меня и у самой в начале лета настроение всегда становилось приподнятым. Видимо, подсознание срабатывало, как в детстве. Оттого и крики не приносили раздражения, как в хмурые осенние дни.

От Пашкевича я направилась напрямик домой. Для начала информации было достаточно. Теперь требовалось суммировать полученные сведения и решить, стоит ли копаться в этой истории. Признаться честно, личность Дениса Фирузова уже вызвала мой интерес. Слишком противоречивые отзывы давали о нем те, кто был знаком с ним лично.

Вот, например, Могильников. Уж как он тепло о друге своей юности отзывался! А копнуть немного глубже, так ни в те давние времена, ни в настоящем он Фирузова и не знал толком. Наделил его положительными качествами и наслаждается тем образом, который сам для себя создал. Ну, скажите на милость, разве можно назвать другом человека, который за столько лет ни горем, ни радостью с тобой не поделился? Ни совета не спросил, ни в жилетку не заплакался. Не человек, а робот какой-то! А вот поди ж ты, для Могильникова он чуть ли не Дон Кихот.

Или директор компании, Анатолий Борисович. Вроде и положительно о Денисе отзывался, и работой его доволен был, и подающим надежды считал, а репутацией своей жертвовать не стал. Замял дело, будто и не о человеческой жизни речь шла. Списал все на халатность самого Фирузова и забыл о нем, как о незначительном эпизоде в своей жизни. А между прочим, когда у самого форс-мажор произошел, кто его выручил? Тот же Фирузов. Понятное дело, что отношения у них чисто деловые были. Для более близких отношений слишком мало времени они вместе проработали. Опять же, со слов Могильникова, директор сильно помог с похоронами. Но родственников Фирузова искать не кинулся. Да и о потере Дениса, как ценного работника, не особо скорбел.

А прораб Пашкевич о Денисе мнения невысокого как в моральном, так и в профессиональном плане. И работу он, по его мнению, не особо любил, и к людям неважно относился. И как начальника ценил недорого. Вот уж действительно, сколько людей, столько и мнений. Каково же твое мнение, Танюша? На этот вопрос я ответ дать пока не могла.

В самом происшествии меня настораживало несколько моментов. Первое – это нетипично ранний визит Фирузова на стройку именно в тот день, когда произошло несчастье. Конечно, жизнь порой преподносит сюрпризы и не всегда эти сюрпризы приятными оказываются. В кои-то веки решил человек серьезно за работу взяться, а тут раз, и кирпич на голову. Заленился бы инженер, глядишь, и жив был бы. Но это в том случае, если голова его совершенно случайно оказалась в неподходящее время в неподходящем месте.

Второе – неохранный лаз в ограждении. То, что начальство не торопилось разобраться с обитателями сарая, было понятно. Возиться с отбросами общества никому неохота. Куда проще потребовать от сторожей повысить бдительность и несколько раз за период строительства дать распоряжение заделать брешь в заборе. Но вот то, что в день гибели инженера любой мог беспрепятственно попасть в здание и так же беспрепятственно его покинуть, наводило на размышления.

Третье – странные обстоятельства увольнения главного инженера Сергея Развального. В этом случае слова прораба попали в точку. Никто из здравомыслящих людей без особой нужды

не станет отказываться от такого хлебного места. А он и репутацией пожертвовал, и деньгами, и положением. Почему? Что заставило его поступить подобным образом? На этот вопрос мог ответить только сам Развальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.